

Нона Шахназарян

Anthony Bak Buccitelli. City of Neighborhoods: Memory, Folklore, and Ethnic Place in Boston. Madison: University of Wisconsin Press, 2016. 237 pp. ISBN 9780299307103.

Нона Шахназарян, Институт археологии и этнографии, Академия наук Армении. Адрес для переписки: Институт археологии и этнографии, Чаренца ул., 15, Ереван, 0025, Армения. nonashahnazar@gmail.com.

Книга «Город (соседских) кварталов» вышла в 2016 году в серии «Фольклорные исследования в мультикультурном мире», и это неслучайно: ее автор Энтони Буччителли позиционирует себя как фольклорист. Он рассуждает о чувстве места, понимаемом как «жанр фольклора», в основе которого лежит традиционное представление о физическом мире (Ryden 1993). Условия современных транснациональных режимов обусловили описанные в книге транслокальности в фольклоре и памяти, отражающие все многообразие слоев и уровней процесса традиционализации пространства и пестования «чувства этнического места».

Согласно авторской гипотезе, чувство этнического места, или пространства, формируют различные компоненты: социально сконструированные памяти об этнической жизни в квартале и об их «метатрадиционных оценках» (с. 101); возврат к традициям исторической родины и «гордый» традиционализм в условиях диспорной, гибридной жизни; фенотипическое сходство обитателей кварталов; личный опыт этнических практик; этнические идентичности и символы, запахи, язык (или монолингвистичность прежних жителей, которые не считали необходимым выучить английский язык), метафоры, цвет и цветы (например, ирландский клевер-трилистник или армянский брабион – символ утрат, или азербайджанский харыбюльбюль – символ Шуши и Карабаха и т. п.); локальные дискурсы, нарративы и описания этнической жизни в кварталах. В последних каноны фольклористики предстают как сплав традиций письма и методов социальной/культурной антропологии. В этот причудливый сплав входят и рассуждения автора о соседствах, соседских отношениях. Буччителли пишет о проговариваемых в интервью трансформациях чувства локального места – структурном изменении паттернов соседства. Соседство как категория научного анализа автором четко не определяется, но искусно конденсируется им из наполненных живым и сочным языком интервью; она передается сквозь восприятие самих партнеров по интервью (сам автор называет их «participants in this study», с. 32), которое сводится к проведению разделительных линий между соседством *тогда* (метафора «большой семьи», *close-knit neighborhood* – схожее в расовом отношении лицом к лицу сообщество) и соседством *сейчас*, когда этнические линии соседств стерты инклюзивистскими политиками властей и/или когда соседские отношения формируются через Neighbor to Neighbor группы в Facebook. Тем самым можно заметить, что автор работает в рамках самых разных академических дискуссий – неклассической урбанистики, американистики (и признается в этом на с. 9), социальной/культурной географии, ис-

следований памяти и городского фольклора (причем грани между фольклором и поп-культурой часто сливаются). Новаторство данной книги состоит как раз в этом смешивании академических дискуссий, теоретических подходов и методов.

В целом книга написана в жанре антропологии современного мегаполиса и связана тысячами нитей с бесконечно множественными перформансами и проявлениями городских идентичностей. Текст интересен по целому ряду измерений: разнообразная методология, междисциплинарность, богатство терминологического аппарата, когерентное теоретизирование, тематические сплетения и жанр, организация текста. Он вписывается в каноны постмодернистской – неклассической – урбанистической теории. Основным аргумент этой книги заключается в том, что локальные идентичности в городских пространствах могут быть связаны с этничностью посредством социальной памяти (коммемораций), а также традиционализированных практик и риторик. Различные этнические символы, дискурсы и практики могут быть использованы для репрезентаций локальной идентичности и наоборот. Исследовательская задача автора книги – обнаружить некоторые пункты, в которых эти слияния происходят. Культура соседства сложными узорами вплетена в эти процессы и представляет собой еще одну грань этих взаимопроникновений. Социальные конструкты и их риторические воплощения эссенциализируются, представляются как натуральные, реифицируются. Текст книги уникален благодаря живым иллюстрациям мифологизации этнического в публичном дискурсе в диа- и синхронических перспективах и социальной власти этого языка.

В обширном введении Буччителли представляет вниманию читателей детальный обзор предшествующих теоретических и концептуальных разработок. Официальной памяти через всю книгу неизменно противопоставляет контрпамять, или vernacular memory (Vodnar 1989), которая связана среди прочего с тем, как этно-сообщества обращаются с городскими пространствами, чтобы обозначить, «пометить» свое присутствие, актуализировать его. В этом бесконечном социальном процессе контрпамять использует свои средства, стратегии и тактики, и именно этот процесс вычерчивает эмоциональные ментальные карты районов города.

Автор описывает соседские кварталы Бостона и его жителей – своих собеседников – в такой манере, что читатель по очереди погружается в каждый из кварталов: Восточный Бостон, Северный Квинси и Южный Бостон. Каждый из двенадцати участников исследования Буччителли постоянно плетет и переплетает свои преломленные в этническом и персонализированном опыте нарративы о месте, о квартале и его жителях, о бурях противостояний и штилях слияний между поликультурными городскими группами. Удачное сплетение трудоемких и выверенных методов (этнография, включенное наблюдение, глубинные интервью, библиотечные исследования) обеспечивает работе уникальную многогранность и стереоскопичность.

Книга освещает не столько проблемы самого городского планирования, сколько тернистые пути отстаивания поправленных прав, политики инклюзии и плюрализма/мультикультурализма в области планирования жизни города, а также то,

как теория (= благие намерения) может отличаться от практики (= достижение прямо противоположного результата). Например, как это случилось в результате так называемых автобусных конфликтов 1970-х годов, ставших мощным вызовом «чувству этнического пространства»: федеральное правительство предприняло попытку решить проблему длительной де-факто социальной сегрегации путем смешивания школьников в классах. Под эгидой правительства транспортировка школьников общеобразовательных публичных школ была организована так, чтобы выровнять расовую композицию состава учащихся. Эти инициативы встретили мощное сопротивление «снизу» и в итоге вылились в антиавтобусное движение, которое затем переросло в длительные политические и судебные битвы. К тому же, согласно свидетельствам участников исследования, такая идея интеграции школьников (*public school integration*) имела откровенно контрпродуктивный эффект, поскольку обнажила глубинные различия в социальном статусе и уровне жизни между различными категориями «белых» (ирландцами, итальянцами и WASP – белыми англосаксонскими протестантами), не говоря уже о «черных».

Все пять глав книги посвящены разнообразным проявлениям этнизированной идентичности в Бостоне. В первой главе автор рассказывает, как «пишутся локальные истории и складываются дискурсы об этническом месте», тесно связанные с «пространствами памяти» (*spaces of memory*). Он анализирует конфликты и компромиссы между сменяющимися статусами групп и их лидеров, контекстуальные схождения и расхождения, реконцептуализации и демократизации исторических событий. Некоторые из этих явлений отражают и демонстрации «интенсифицированной этнической гордости» (с. 52) – вплоть до того, что один из собеседников называет Южный Бостон «ирландским Израилем» (с. 54). Описанные исследовательские кейсы иллюстрируют процессуальность того, как память о фолк-практиках (как то: парады, вывешивание флагов и прочие описанные в книге действия сообществ) может наделять пространства городских кварталов «чувством этнического места», способствовать производству новых значений и возникновению того, что Тимоти Тангерлини (*Tangherliini* 1999) называет «концептуальными картами» и чувством фольклорной географии (с. 72).

Вторая глава с долей здорового юмора подробно рассматривает этнические символы, интертекстуальность и индексированную память. Речь о том, как перегруженные историческими, коммунальными и личными значениями этнические символы могут стать инструментом дискриминации – например, ирландский знак клевера (*shamrock*). Как емко выразился один из представителей афроамериканского сообщества, трилистник означает, что «Бостон для белых, а не для черных» (с. 75). Битвы этнических символов неожиданно приоткрывают завесу этно-расовых напряженностей и, более всего, иерархий и властных отношений в каждом соседском квартале.

Этнические символы интерпретируются Буччителли также в терминах потребления. Они служат инструментом индексации традиционализированных социальных памятей. Для рассмотрения связей между символами и дискурсами наиболее показательным мне представляется пример Ирландии. Некоторые речевые выражения настолько нагружены исторической памятью, что немедленно превра-

щаются в «стержневые истории» (kernel stories), выстраиваются во всеми узнаваемый ассоциативный ряд. В частности, Буччителли подробно рассматривает пример повторяющегося нарратива N.I.N.A. (No Irish Need Apply, «ирландцам – услуг не предлагать»), который отражает драматические страницы тяжелой трудовой истории и памяти ирландцев. Речь идет о публичных постерах, знаках и уличных объявлениях тех времен, например, Help Wanted – N.I.N.A., что перекликается в этнической памяти ирландцев с дегуманизирующими предупреждениями на лужайках Новой Англии до Великой депрессии: «Собак и ирландцев не выгуливать» (No Dogs – No Irish). Многократно прописанный в индивидуальных опубликованных и устных историях, N.I.N.A. нарратив является основой для контекстуализации нарратива об Ирландском картофельном голоде (Great Famine). Будучи ключевым и в то же время травмирующим местом социальной истории, N.I.N.A. нарратив без конца повторяется. Этнические нарративы из прошлого служат легитимации современных посылов и самовыражений, создавая ту самую интертекстуальность. В вертикальной перспективе (по Михаилу Бахтину) патримониальная интертекстуальность предоставляет огромную власть для примордиализации как текстов, так и культурных реальностей, которые они репрезентируют (Briggs and Bauman 1992). Именно эти взаимовлияния и власть показывает Буччителли, иллюстрируя их через устойчивую связь символов и дискурсов.

Исследования риторических и нарративных тактик вокруг этно-символов помогают понять экспрессивные техники, с помощью которых выстраиваются и поддерживаются сложные символические ассоциации. Разные исторические слои этой памяти, индексированные в символах, функционируют в режиме интертекстуальности, которая наделяет мощным инструментом заказа исторического и/или социального дискурса. Исходя из рассуждений автора, интертекстуальность обладает властью натурализовать как сами тексты, так и культурные реалии, которые они репрезентируют. Безусловно, символы бесконечно реинтерпретируются, и это то, что Буччителли сумел мастерски описать.

Третья глава посвящена персонализации этнического в локальных традициях памяти. Персонализированная память о локальной традиции связывает урбаниста современного мегаполиса с его «исторической родиной», «корнями», конструирует, что значит быть «настоящим итальянцем». Эти элементы памяти о еде, об итальянском соусе грейви (gravy), о «запретах» на смешанные браки в мультикультурном городе и о способах конвертирования этнического и культурного знания в иные формы социальных «валют», капиталов. В этой главе цитируемые выжимки из интервью оголяют разломы и социальные деления *тогда* и *сейчас* – территориальные, гендерные, классовые, статусные.

В четвертой главе Буччителли предлагает глубинный анализ этнических фестивалей и раскладывает по полочкам их локальные и иные значения. В качестве кейсов для исследования послужили День святого Патрика, парад в День Колумба и фестиваль Осенней Луны (Autumn Moon Festival in Boston) в соседских кварталах Бостона. Эта глава, с моей точки зрения, производит сильное впечатление по той причине, что эмпирически выявляет многие ранее высказанные автором в книге сентенции и гипотезы. В одной из частей этой главы автор довольно успеш-

но опровергает то, что принято считать общим знанием, а именно – что этнокультурные парады функционируют как мощнейший консолидирующий, мобилизационный ресурс.

День святого Патрика впервые отметили в Южном Бостоне 18 марта 1901 года, через год после публикации книги ирландской пацифистки Мод Гоне «Королева Голода» (*The Famine Queen*). Для американских ирландцев этот праздник установился как день памяти *par excellence* еще раньше, в 1850 году. Парады в День святого Патрика, однако, происходят в атмосфере борьбы за контроль над тем, как «пишется», конструируется история квартала. Многие годы парад не признавался городскими властями. Они признали его только под прикрытием празднования 125-й годовщины Британской эвакуации Бостона во время Войны за независимость, последовавшей за укреплением на Дорчестерских высотах. При этом в локальной прессе того времени ирландцы во всех этих событиях стратегически не упоминались. Вычленение ирландского элемента из парада Дня эвакуации и его целенаправленная формализация привели к тому, что уже в 1906 году прошли два парада подряд – парад ветеранов Дня эвакуации и второй, посвященный Дню святого Патрика.

Анализ кейсов показывает, что в ходе многолетних трансформаций смыслов и политик ежегодные праздничные мероприятия, посвященные Дню святого Патрика, мобилизуют этничность как оружие в локальном, социальном или межличностном конфликте и только в последнюю очередь работают как метод создания единого этнического или локального сообщества (с. 125). В связи с этим оба парада – в День святого Патрика и День Колумба – показывают, в какой мере этнические празднества отождествляются с особыми людьми в сообществе и тем самым отражают более миниатюрные и нюансированные конфигурации внутри сообщества. Эти конфигурации и реконфигурации выявляют некоторые важные ограничения в формировании того, что Буччителли называет «чувством этнического места». Парад в День Колумба годами был «приватизирован» католиками и особенно итальянскими общинами Бостона. «Панэтническая католическая идентичность», ассоциируемая с парадом в День Колумба, стала переосмысляться уже в 1912 году, когда городские власти Бостона взяли на себя управление этим мероприятием. Мероприятия, которые ранее были частными праздниками, стали площадками маркирования либерально-демократических ценностей, прав и свобод. В этом смысле город Бостон оказался уникальным среди других городов США. Реконцептуализация празднования Дня Колумба стала первым и символически значимым шагом в государственном управлении праздниками и реформатировании этнической идентичности в гражданскую. Тщательный разбор парада в День Колумба показал, как местные акторы и социальные группы продвигают внутри сообществ собственное видение парада. Разбор также показал, что это постоянный живой процесс переопределения локализованного «чувства этнического места».

Таким образом, общественные празднования и парады, некогда выполнявшие функцию консервирования «нашего», становятся в Бостоне в результате умного городского планирования и управления (политики инклюзивности, переговорный

процесс между мейнстримными группами и маргинализованными меньшинствами) социальными лифтами и мостами для непривилегированных групп. Процесс этот бесконечно сложный, турбулентный, многослойный, и автору книги неплохо удалось это передать.

Последняя глава под названием «Виртуально местный: фолк-география, цифровые технологии и социальная память» рассказывает историю о том, как формула «здесь и сейчас» в эру технотронных революций легко переходит в новый режим – «физически не здесь, но сейчас и в любой момент времени». Здесь также повествуется и о том, как переопределяются границы и смыслы соседства и землячества. Буччителли в своем исследовании часто цитирует Мишеля де Серто, и обсуждаемая глава в этом смысле не исключение. В последней главе автор много теоретизирует, касаясь цифровой локальности, ее тактик и гибридности.

Фольклористы заметили, что повседневные практики могут усиливать социальный порядок; в то же время эти практики составляют форму вернакулярной культуры (с. 159). Цифровая инфраструктура создает земляческие сетевые сообщества, фундаментально меняет коллективную память и пересматривает тренды локальной эпистемологии, меняет ландшафты города, заставляет власть работать на полный оборот, – считает Буччителли, разбирая примеры взаимодействий институциональной власти и электронной гибридности, просто «гуляя» по Google Maps/Earth и создавая «фолк-географическое знание в эксклюзивно виртуальном контексте» (с. 171). Этим процессам сильно способствуют и новый образ, и репертуар местных СМИ. В пятой главе автор в общих чертах отвечает на вопрос, каково это – быть виртуально местным, когда цифровые технологии в состоянии обеспечить возможности для создания общих точек отсчета (common point of reference) в режимах, подобных взаимодействию, общению и действию лицом к лицу.

Если суммировать содержание двухсот с лишним страниц, то это книга о вычурно сложных этнокультурных конфигурациях и исторических рекомпозициях городских кварталов Бостона. В попытках найти адекватное описание того, что его интервью-партнеры называют «чувством локального пространства», автор смотрит на кварталы-соседства через разнообразную оптику: через отношения власти и влияния, (гео) политики памяти, соседство, конфликт, права человека, инклюзивность. Буччителли примеряет многослойные отношения на разные концептуальные системы, которые в конечном счете мастерски сводит воедино.

Надо отметить, что это было непростое, но очень интересное чтение. Недосказанность для меня заключается в том, что производство и пестование локальных/соседских идентичностей представлено амбивалентно (и это хорошо показано в книге). С одной стороны, сами формы публичности предстают в качестве альтернативы власти и противостоят гегемонии и паноптикуму. С другой стороны, парады иерархичны и полны властных отношений внутри самих себя. Надо ли понимать это таким образом, что властные отношения являются всепронизывающими и противостоят им из-за извечного конфликта интересов можно лишь на персональном, а не групповом уровне? Так или иначе, чтение книги расширяет горизонты понимания метода и предмета исследования сложных социальных про-

цессов, протекающих в глобальных мегаполисах в эру постгорода, а также (новых) соседских отношений, политик памяти и современной фольклористики. Последняя, кажется, справедливо включает в себя огромный пласт неписанной истории – устных историй, связанных с «работой (селективной) памяти», – и понимается автором как целый комплекс мощных экспрессивных техник, движущихся «снизу». Соответственно, настоятельно рекомендую прочитать эту книгу урбанистам, исследователям, изучающим проблемы памяти и диаспоральных форм национализма, историкам, антропологам, фольклористам, семиологам, социальным географам и американистам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bodnar, John E. 1989. "Power and Memory in Oral History: Workers and Managers at Studebaker." *Journal of American History* 75(4):1201–1221.
- Briggs, Charles L., and Richard Bauman. 1992. "Genre, Intertextuality, and Social Power." *Journal of Linguistic Anthropology* 2(2):131–172. <https://doi.org/10.1525/jlin.1992.2.2.131>.
- Ryden, Kent C. 1993. *Mapping the Invisible Landscape: Folklore, Writing, and the Sense of Place*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Tangherliini, Timothy R. 1999. "Remapping Koreatown: Folklore, Narrative and the Los Angeles Riots." *Western Folklore* 58(2):149–173. <https://doi.org/10.2307/1500164>.